

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО, ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ю. В. Сорокина

*доктор юридических наук, профессор
Воронежский государственный университет*

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО РЕЛИГИОЗНО- ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Общеизвестно, что бунты и революции зреют в том обществе, где отсутствует диалог между властью и народом, где нет организованной и сознательно-цивилизованной политической оппозиции и где конфликты решают в диалоге, посредством соглашений без использования силы и государственного принуждения. Западная цивилизация уже в древности (Древняя Греция и Древний Рим) содержала в существе своих жизненных принципов идеи свободы, уважения к чужому мнению, уважение личности¹. Идеи свободы получали соответствующее воплощение в законах.

Государственность Древней Руси изначально развивалась в русле европейских традиций, что было обусловлено и логикой внутреннего развития, и наличием тесных связей с западными государствами. Русь имела все предпосылки, предполагавшие развитие русского общества как объединения свободных граждан, а не как исключительно принадлежащих власти. Дух свободы господствовал в русском обществе. В 988 г. Русь приняла ориентализированное христианство, т.е. Христианство Восточного образца. Впоследствии это событие становилось одним из аргументов, посредством которых объясняется последующий переход Руси на восточную магистраль общественного и государственного развития.

Конечно, Западное Христианство являлось действенной прививкой от установления государственного деспотизма, но все же следует отметить, что Русь приняла Христианство, находясь уже на высоком уровне государственного развития, представляла собой сложившуюся государственную общественную систему со своими богатыми и устоявшимися традициями, обычаями, моделью взаимоотношений различных уровней. К тому же Русская Церковь в тот период образовывалась как институт, хоть и ориентированный на власть и вступивший с ней в

---

¹ Автор не склонен идеализировать эти жестокие общества, обогранные кровью инакомыслящих. Но дух свободы в Древней Греции и Древнем Риме отрицать невозможно.

симфонические отношения, но все же идейно и в определенной степени юридически независимый от государства.

Положение Восточной Церкви в России было очень сходно с положением Католической Церкви в Европе. Обе они имели свой центр (Константинополь; Рим), располагавшийся вне границ государств, на территории которых они действовали. Конечно, доктрина Православия в вопросе взаимоотношений Церкви и государства формулировала иные принципы, нежели Церковь Католическая. Авторитарные традиции Византии и возросшее на них государство не могли допустить существования автономной Церкви. Государственная власть крепко держала Церковь под своей иногда не слишком деликатной опекой. В условиях Древней Руси у государства первоначально отсутствовала возможность реально ощутимого воздействия на Церковь. Русские митрополиты — подданные Византийского Императора, а посему они не могли признавать иной светской власти, кроме власти Императора. За русскими князьями они, конечно, власти не признавали. Напротив, православное священство позиционировало себя как духовных наставников и руководителей. На Русь Церковь пришла как организация, история которой насчитывала без малого 1000 лет (!), со своей структурой и иерархией, дисциплиной ее служителей, со сложившимся, выдержавшим испытание историей учением.

Иная ситуация складывалась в государственно-властных сферах². Государственная власть в период прихода церкви была децентрализованна, раздираемая внутренними конфликтами (как правило, родственно-наследственными), не имела еще сложившейся социальной базы. Потенциал государства и потенциал Церкви были не равны, поскольку, как было сказано, Церковь представляла собой организацию более сильную, нежели государство. Она не сливалась с государством. Это была симфония, но симфония взаимного невмешательства в дела друг друга. С оговорками, но можно утверждать, что Церковь стояла выше государства. Она располагала средствами воздействия на государственную власть, требовала от носителей княжеской власти подчинения христианским принципам верности по отношению к себе. Христианская Православная Церковь тогда не была автокефальной, ограниченной территориальными рамками одного государства. Расстояние, отделявшее Киев от Константинополя, создавало ощущение Вселенской Церкви. Перед Верховным иерархом в Константинополе вынуждены были смиряться русские князья³. С другой стороны, власть в Древней Руси не была консолидирована, Князь вынужден был делить ее с боярами, дружиной, вече. Эта дистрибутивность власти не находила формального закрепления. Дружина должна была быть верной князю, но поскольку

---

² Здесь прослеживаются идентичные явления и в Западной Европе, и на Руси.

³ См.: Федотов Г. П. Россия и свобода // Новый журнал. Нью-Йорк, 1945. № 10 / <http://www.gumer.infobibliothek>

ку она сама по себе представляла самостоятельную силу (группа обученных людей с оружием), князь в реальности вынужден был считаться с интересами своей дружины и прислушиваться к ее мнению в конкретной ситуации. К тому же князь не оседал раз и навсегда на данной территории. Князь Владимир, позже — князь Ярослав княжили в Новгороде, потом «перебрались» в Киев; Владимир Мономах был сначала князем в Чернигове. Что же касается Новгорода, то там имела место своеобразная демократия, которая в историографии называется боярской. Конечно, подобного рода демократия не могла обеспечить свободу личности, но рассредоточение власти между князем, вече и Владыкой создавало потенциальные возможности для ее реализации.

В то время Русь жила общей жизнью с латинским миром (хотя бы с его окраиной). Польша, Венгрия, Чехия, Германия, скандинавские страны далеко не всегда были врагами Руси, войны с этими государствами носили родственно-соседский характер, поскольку они были связаны с Русью династическими связями. В то же время враждебность со стороны Востока таила серьезную опасность для русского государства. «Восток обернулся своим хищным лицом: кочевники-тюрки, некультурные иранцы соседят с Русью, опустошают ее пределы, вызывают напряжение всех политических сил для обороны. Восток не обладает ни культурной, ни государственной организацией, Церковь не устает проповедовать необходимость общей борьбы против «поганых», и здесь ее голоса слушались охотнее, нежели предупреждения против латинян, исходящие от греческой иерархии»⁴.

Таким образом, Русь имела в себе достаточно сильный потенциал для последующего развития гражданского общества, личной и политической свободы. Правда, этот потенциал ослаблялся двумя факторами. Во-первых, принятием Восточного Христианства, которое было этатизировано — ориентировано на государственную власть. Характер этой власти, т.е. Византийского государства, приближался к восточно-деспотическому. Данная модель укоренилась и в церковной жизни, в ее представлении о государственной власти. Правда Христианство, как уже говорилось, пришло в государство, в котором уже сложились и организация власти, определенные отношения власти и общества. И общество, и власть в тот момент уже были втянуты в орбиту европейской политики. Католическая Церковь не испытывала враждебности к Православию, западные государи имели тесные контакты с Византией. В качестве второго фактора, ослаблявшего потенциал развития личных свобод, можно назвать отсутствие стремления к формально-правовому закреплению статуса личности, правовому структурированию отношений общества и государства. Правда, и здесь можно пояснить, что и обычаи, и традиции, которые выступали регуляторами общественных отношений, в тот период являлись основным источником

---

⁴ Федотов Г. П. Указ. соч.

права и в Европе. В Новгороде же присутствовало и формальное ограничение княжеской власти в форме присяги, хотя это ограничение и закреплялось не законом, а традициями. Таким образом, к моменту монголо-татарского нашествия «умственная деятельность народа начала принимать более широкие размеры»⁵.

Одна из интересных черт жизни русского общества до монголо-татарского завоевания — слабая христианизация широких масс русского населения. Восточное Христианство, как указывалось выше, было этатизировано, поэтому народные слои общества интересовали Церковь не в первую очередь⁶. На Руси христианство лишь мало-помалу распространялось в обществе. Восточная Христианская Церковь пришла на Русь как союзник власти, она опиралась на власть и, в свою очередь, была ей опорой, существуя в парадигме Симфонии. Жизнь народа оставалась долгое время вне сферы влияния Церкви. Это объяснялось еще и некоторой замкнутостью, даже отчужденностью, присущей Православной Церкви как организации. Эта замкнутость отделяла Церковь от общества, не позволяла ей стать действительно народной. Религиозная практика не становилась частью повседневного быта как в Европе. Церковь на Руси представляла особую сферу духовности, которая не смешивалась, а порой даже противопоставлялась народной культуре.

Ранее говорилось, что Христианская Церковь обладала определенного рода независимостью от власти князей и была выведена из-под княжеской юрисдикции. Но вышеоговоренная ориентация Церкви на власть и элиту содержала в себе опасность оказаться зависимой от них. То есть социальную базу церкви нельзя было назвать широкой. Русское православие имело более внешнеобрядовый, чем нравственный характер. Оно действовало на русского человека не как доктрина и даже не как система догм, оно воспринималось им как обычай, доставшийся ему от предков и который надлежало сохранить в неприкосновенности. Чувственная, эмоциональная сторона оставалась не затронутой Христианством. Мироззрение русских не стало вполне христианским. Церковь, не имея корней в глубине общества, оказывалась все больше во власти государства. Пока Русь была частью Европы, эта зависимость не особенно ощущалась, да, собственно, ее и не было. Русская элита уважала священство, князья не принимали решения без его одобрения. Но монголо-татарское иго породило на свет новый для Руси деспотический тип государства. В данном случае можно даже говорить о гибели одной цивилизации и зарождении на ее месте иной. Этой цивилизацией стала Московская Русь. По родству московские князья были наследниками Владимиро-Суздальских князей. Но москов-

---

⁵ Мякотин В. А. Из истории Русского общества. СПб., 1902. С. 3.

⁶ В странах Западной Европы к моменту признания христианства в качестве государственной религии оно получало широкое распространение среди народных масс, прочно укоренялось в народной культуре.

ское государство нарождалось в условиях внешней несвободы, а московские князья использовали Золотую Орду в своих личных интересах, в целях укрепления собственной власти. Г. П. Федотов пишет: «Москва, «собирательница» земли русской, обязанная своим возвышением, прежде всего, татарофильской и предательской политике первых князей, обеспечивает мир и безопасность своей территории, привлекает этим рабочее население и переманивает к себе митрополитов»⁷. И снова мы видим практическое воплощение доктрины Симфонии властей. Православная Церковь, как всегда, оказывается рядом с государством. Это предопределяло ее последующую национализацию, превращение в организацию, замкнутую в пространстве государственной территории. Русские по национальности митрополиты являются подданными Московского князя. Их христианское служение уже неразрывно связано с политическими интересами Москвы. Они помогают московским князьям расправляться с соперниками с помощью специфически церковных мер принуждения. В самой Москве утверждаются методы управления и суда, которые были привнесены татарами. С одной стороны, сами князья заимствовали модель управления Золотой Орды, с другой — в Москве большое количество татар становилось служилыми людьми. Собираение земель русских также велось восточными методами, как пишет Г. П. Федотов: «Русь становится сплошной Московией, однообразной территорией централизованной власти: естественная предпосылка для деспотизма»⁸.

В 1439 г. была подписана Флорентийская уния, которая была отринута русской Церковью, а митрополит Исидор, пронесший латинский крест по улицам Москвы, был свергнут в опалу. С того времени русская Церковь окончательно превратилась в национальную, формально отделилась от Константинопольского Патриарха. Не следует думать, что Православная Церковь легко пошла на безусловную поддержку государственной власти. В немалой степени это был вопрос выживания национальной Церкви. В начале XVI в. состоялась дискуссия между иосифлянами и нестяжателями, и, казалось бы, в этом споре должны были одержать победу нестяжатели, и тогда государству открывалась возможность присвоения церковной собственности немалых размеров. Однако этого не произошло. Государству для собственного поддержания нужна была сильная Церковь, являющаяся не только воплощением Христа, но и политическим институтом. Иосиф Волоцкий (1439—1515) — основатель Волоколамского монастыря, который находился на территории князя Волоцкого. Князь сочувственно относился к деятельности игумена, однако его наследники стали предъявлять к монастырю феодальные претензии, препятствовавшие деятельности настоятеля. Тогда последний в 1507 г. обратился к Великому князю Василию III и просил избавить монастырь от «удельного насильства» и принять в

---

⁷ Федотов Г. П. Указ. соч.

⁸ Там же.

«свое великое царство». В лице Великого князя Иосиф нашел заступника, а князь в лице настоятеля — надежного союзника, «богомольца московских царей»⁹. Концепция Волоцкого эволюционирует, его последователи предпочитали опираться на Ветхий Завет и находили там «мифологемы для истолкования историософских проблем и политических реалий»¹⁰. Характерно, что в первый период своей работы, будучи не зависимым от Великого князя, Иосиф отстаивал приоритет священства по отношению к власти государя. В своем труде «Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих» (разновидность протестантизма, получившая распространение в Великом Новгороде и проникающая даже во властные структуры Москвы) он учил, что царей надо почитать и слушаться. Но так как цари властны над телом, а не над душою людей, им следует воздавать честь царскую, а не божескую, повиноваться им «телесне, а не духовне». Более того, надо слушаться и почитать лишь царя благочестивого, правдивого. Если же царь подвержен скверным страстям и грехам, как то сребролюбие, гневливость, лукавство, гордость, неверие, и обращает их против своих подданных, то «таковой царь не Божий слуга, а Дьявол, и не царь, а мучитель. И таковому царю повиноваться не должно»¹¹. Позже, перейдя под власть Великого князя Московского, когда последний не без колебаний, но все же выполнил требование Церкви о казни жидовствующих еретиков, Иосиф смягчает свою позицию. В последнем, шестнадцатом, «Слове Просветителя», он возвращается к обязанности Государя хранить Православие и благочестие, однако общая характеристика царской власти существенно меняется: «Царь ибо естеством подобен всем человекам, властью же подобен Богу»¹². И получается, что царь несет ответственность за пренебрежение к вере и порядку только перед Богом.

Московское государство в XV—XVI вв. вошло в полосу внешнеполитических успехов — свержение ига, завоевание всех территорий русских земель Москвой. В это же время формируется новый тип русского человека — северного великороса, прошедшего татарскую школу, школу рабства. Рабство проникло в сознание людей снизу доверху. Московский князь видел в своих подданных не свободных граждан — он желал царствовать над холопами. Само понятие «свобода» несло в себе для Московского человека отрицательный смысл. Оно стало скорее означать распущенность, безнаказанность и другие безобразия. Все сословия становились прикрепленными к государству службой или тяглом. Свободными были разве что разбойники. Церковь, которая содействовала росту и укреплению московских князей, сама же

---

⁹ См.: Новикова Л., Сиземская И. Русская философия истории // <http://www.gumer.infobibliothek>.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

за это поплатилась¹³. Митрополиты фактически назначались царем и свергались им же.

В XV в. в народе укрепилось чувство национально-религиозной исключительности, которая с течением времени принимала все более широкие размеры. Находясь под владычеством татар и относясь к ним с понятным враждебным чувством, русский народ привык противопоставлять себя татарам не только в национальном, но и в религиозном отношении, привык отличать себя как православных христиан от «поганых», «басурманов» и позиционировать себя как защитников Христианства. Принадлежность к православной вере стала мощнейшей идеологической силой в борьбе с татарами. За долгие годы татарского владычества эти идеи укоренились в сознании людей, и заданная психологическая программа продолжала работать, когда владычество татар было упразднено. Враг, традиционно представленный татарами, оказался повержен, а посему в общественном сознании возникла некая пустота, которую необходимо было заполнить. И она была заполнена, но теперь Россия от Востока повернулась к Западу. На западных границах в то время появилось мощное польско-литовское государство. На борьбу с ним москвичи перенесли те взгляды на себя и на своих противников, которые они выработали в борьбе сначала с хазарами, печенегами, половцами (язычниками), а позже — с татарами (мусульманами). Католики получили в устах москвичей прозвание «поганых», а «латинство» «представляется врагом не менее грозным, нежели магометанство»¹⁴. Само общение с католиками рассматривалось как греховное. Запрещалось даже находиться рядом с латинской Церковью, а увидев ее, следовало отойти и прочитать молитву. Состояние вражды, противостояния, таким образом, стало естественным состоянием русской культуры, составной частью общественного сознания. Христианство противопоставлялось татарскому магометанству, и оно было вознесено на щит борьбы.

После упразднения монголо-татарского ига русское Христианство — Православие стало противопоставляться иной ветви Христианства — Католицизму, также как Россия — западному миру. И в случае с татарами, и в случае с «латинянами» русский народ представлялся самому себе обладателем «высшей истины» и взращивал внутри себя национально-религиозную нетерпимость. В России сформировался странный

---

¹³ Действительно, в возвышении Московского княжества как будущего центра России Церковь сыграла большую роль духовного учителя. Для объединения русской земли необходима была не только сила, но и направляющая идея; Церковь эту идею формулировала и распространяла в народе. Воспитанник в лице Московских князей не почитался с самостоятельным воспитателем. Апогеем произвола монархов и в прямом смысле порабощением Церкви явились уничтожение патриаршества и введение синода, и все это было произведено совершенно безнаказанно.

¹⁴ *Мякотин В. А.* Указ. соч. С. 3.

феномен — равнодушный фанатизм в религиозной сфере, впрочем, для фанатичной веры вполне характерно равнодушие к религии как к системе внутренних взглядов и эмоций. Как известно, религиозное чувство в качестве доминирующего объекта имеет Бога, к которому каждый верующий испытывает личные, индивидуальные чувства. Русское религиозное сознание в центр своих переживаний ставило других людей, отличая при этом чистых и поврежденных, своих и чужих. Во внутренних эмоциях религиозности русских не было «позитивной модальности» — радости, восхищения, любви, надежды. На первый план здесь выступали страх Господень, бессильная покорность, гнев, ненависть¹⁵. В русском религиозном сознании не было места любви к Богу, вернее, любовь была, но она представляла собой любовь смиренного раба, любовь, замешанную на страхе (и подсознательной ненависти за этот страх)¹⁶. Главное — это подчинение жизни религиозным предписаниям, обрядам и нетерпимость по отношению к тем, кто эти предписания и обряды не соблюдает. Нетерпимость вообще можно назвать отличительной чертой русского общества того периода, и, естественно, она проникла в религиозную сферу, в сферу религиозной чувственности.

Политические успехи московского княжества в борьбе с соседями придали этой нетерпимости новый оттенок. Московские люди укрепились в своей уверенности, что они лучше других, а следовательно, Московское государство — лучшее среди прочих. Согласно их воззрениям неправоверные страны были лишены благодати, почившей на Москве, а потому не могли равняться с нею. Иностранцев поражала черта — взгляд на чужие земли как на неправоверие, ересь, соблазны¹⁷. После подписания Флорентийской унии митрополит Исидор был свергнут и заточен, а на его место был поставлен новый митрополит без ссылки на Константинополь. Эти события окончательно убедили москвичей в том, что истинное Христианство и, более того, истинное Православие «вогнездилося» и закрепилось только на Руси, которая должна была принять на себя его защиту и охрану. Такое самопозиционирование постоянно укреплялось в сознании. Падение Константинополя — сначала духовное в глазах русских, потом политическое способствовало возвышению Москвы в своих собственных глазах. В отличие от ослабевшего и павшего Константинополя Москва имела значительные внешнеполитические успехи, она одержала громадную победу над неверными, выступила как «собирательница» русских земель и «защитница всех православных народов». Поэтому в своих собственных глазах она предстала достойной преемницей Константинополя — Второго Рима. «Можно сказать, что послание инок Филофея явилось

---

¹⁵ См. об этом подробнее: *Яхьяев М. Э.* Специфика религиозного фанатизма // *Религиоведение.* 2006. № 3. С. 147.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Мякотин В. А.* Указ. соч. С. 3.

как бы завершением определенного круга идей, носившихся в воздухе, и своеобразной точкой роста зарождавшегося национального самосознания. Вот почему идея старца о богоизбранности русского народа, о преемстве мессианства Русским царством, выраженная, к тому же, в эмоционально-приподнятой форме, сразу же получила широкий общественный резонанс, легко вписалась в существующую идеологическую систему»¹⁸. Идея Третьего Рима, явившаяся ответом на запросы общественного сознания, быстро была усвоена правительственными кругами и получила отражение в правовых актах¹⁹.

Главной идеей Провиденциализма является утверждение, что миром правит Провидение, все совершается по начертанию Божьего Промысла. Под рукой Провидения не только все люди, но и все государства. Среди иных народов еще по ветхозаветной идее существовал богоизбранный народ, и именно он является хранителем истинной богооткрываемой религии. Таким образом, России приписывалась роль хранительницы единственно истинной Христианской Православной веры. В свою очередь, православие объявлялось русским, а русское государство — единственным и подлинно христианским и в этом смысле подлинно вселенским царством²⁰. Москва (правда, в глазах только самих москвичей) приобрела новый религиозный статус — она стала центром всего христианского мира. Соответственно это отразилось на системе воззрений по отношению к власти. Царь как самодержец всего христианского мира был ответствен только перед Богом и ни с кем не делил эту ответственность, ни с кем не делил власть, даже с Церковью.

Как видно, идея Москвы как Третьего Рима в своем первоначальном варианте имела прежде всего теологический смысл, связанный главным образом с определением новой роли Русской Церкви в Христианском мире, ее международного статуса и положения в своей стране по отношению к царской власти. Будучи теологической, идея «Москва — Третий Рим» относилась не столько к ее политическому могуществу, сколько к предназначению русского государства быть убежищем «истинного Христианства». Однако вскоре у нее появился новый смысл, произошло своеобразное смещение акцентов с религиозного провиденциализма в сторону идейно-политического обоснования возвышения Москвы как государства. Россия брала на себя роль хранительницы единственно истинной Христианской православной веры. С другой стороны, само Православие стало идентифицироваться именно с Русью, которая поэтому становилась вселенской державой. Это, безусловно, отвечало политическим интересам Москвы, на которую теперь перешла «благодать Божия», делало ее центром всего христианского мира и соответственно царя Московского превращало во «вседержи-

---

¹⁸ Панарин А. *Философия истории. Русское просвещение. Поиски национальной идентичности* // <http://www.gumer.infobibliothek>

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

теля», ответственного перед Богом и потому ни с кем не делящего вверенную ему власть, в том числе и с Церковью²¹. Русское православие становится сцепленным с величием Московского государства и с исключительным положением и особой ролью русского царя в истории.

Идеология «Москва — Третий Рим» поставила Православие на службу политике Москвы. Правда, не все разделяли подобные взгляды. Так, Максим Грек не признавал независимости Русской Церкви от греческой. И даже падение Константинополя, по его мнению, не лишило ее благочестия и, вопреки претензиям Москвы, не давало ей оснований считать себя наследницей Византии — Третьим Римом. Идея Третьего Рима явилась мощным стимулирующим фактором в консолидации русской нации вокруг Москвы и соответственно вокруг царского престола. Но эта консолидация имела в значительной мере охранительно-консервативный характер, окончательно оформляла русскую деспотию, так как управлять, а точнее господствовать над консолидированным народом значительно легче, чем над обществом, где составляющие элементы — атомарные, автономные личности. Полностью подмяв под себя своих подданных, власть все больше закостеневала. Власть, сумевшая консолидировать нацию, используя идеологию «Москва — Третий Рим», превратилась в охранительно-консервативную силу. Эта идеология прочно вошла в сознание народа, и позже в период раскола она использовалась как средство борьбы с еретическим патриархом Никоном. Послания старца Филофея имели активное хождение в старообрядческой литературе. Идея русского мессианизма стала основой философско-политической парадигмы общерусской идеологии, в том числе и в сфере отношений Запад — Россия. Развиваясь в этой парадигме, идея инок Филофея будет обрастать новыми «сюжетами», смещать акценты в обоснование исходных установок, приобретет дополнительную аргументацию и новую интерпретацию связанных с ней провиденциалистских идей. Но и в новой форме мессианизм не утратит своих позиций в русском общественном сознании. Его идеи станут сквозными, а в известном смысле и системообразующими для философской и общественной мысли в целом, станут центральным звеном большей части историософских построений²².

Особенные черты русского Православия в немалой степени способствовали формированию и расцвету мессианского самосознания. Такowymi, как уже говорилось, являлись сведение христианской религии к форме, обрядность и, как следствие, жесткий консерватизм. Когда Христианство пришло на Русь, то доминантой в нем были положения, связанные с практической нравственностью, т.е. совокупность норм, опосредующих внешнее поведение и его внутреннюю мотивацию, а также обрядовая форма. Следует заметить, что эти стороны религиоз-

---

²¹ См.: Новикова Л., Сиземская И. Русская философия истории // <http://www.gumer.infobibliothek>. С. 18.

²² Там же.

ной жизни превалируют в так называемых общинных религиях, которые не имеют развитой доктрины. Их основными задачами были объяснение и построение модели мира, обеспечение покровительства над различными видами деятельности, закрепление связей между членами религиозной общины. Духовность и специфическая духовность, присущие развитым религиозным системам, в общинных религиях отсутствуют. Кроме того, общинные религии выполняют задачу некоего обособления членов общины, своеобразного отгораживания своих последователей от основного мира. Примером таких более или менее известных религий является Синто. Для Христианства, как известно, характерны развитая доктрина и глубокая духовность, которые охватывали все слои общества, исповедующего Христианство. В России эта внутренняя сторона Христианства стала достоянием небольшого слоя духовенства и отдельных его представителей, не распространившись в обществе. Не получило развитие сознательное религиозное мышление, форма приобрела значительный перевес над содержанием. Русское Христианство этим самым походило на общинную, обрядовую религию. На обрядах сосредоточивалось все внимание, отвлекаемое от более серьезных религиозных проблем. В. А. Мякотин пишет: «В качестве важного спора так, что это событие было занесено в летопись, стал спор о следующем: одни утверждали, что надо говорить «Господи, помилуй», а другие — «О, Господи, помилуй»²³. Далее он продолжает: «...с развитием обрядности, не дававшей места живому пониманию религии, соединилось и невежество, не позволявшее сохранить в неизменном виде даже внешнюю его форму»²⁴. Одновременно русское общество, замкнувшись, находилось в состоянии закоснелости сознания и самовосхваления. Ему незачем было развиваться, искать новые начала жизни, поскольку старые ставили его в выгодное и лестное положение Третьего Рима, идеального центра Вселенной. Русский и Православный воспринимались как идентичные явления. Следовательно, мотивов к развитию не стало, и даже просвещение и образование стали восприниматься негативно. В качестве примера такого отношения можно привести следующее высказывание: «Братья, не высокоумствуйте, но в смирении пребывайте; посеум и прочая подразумевайте». Еще девиз: «Аще кто ти речет: веси ли всю философию и ти ему рцы: еллинских борзостей не теках, риторских астрономов не читых, ни с мудрыми философами не бывах; философию ниже очима видех: учуся книгами благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех»²⁵. Конечно, московская интеллектуальная верхушка имела представление о европейских науках. Но приобщение к ним и более или менее широкое распространение европейской философии в обществе уже подрывало бы сознание собственной исключительности. В этом

---

²³ Мякотин В. А. Указ. соч. С. 6.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 7.

случае Россия предстала бы не более чем окраиной европейского мира, лишалась бы в собственных глазах привилегированного положения. Европейская наука с ее космополитизмом противоречила сознанию исключительности, которое присваивала себе Москва. Поэтому эта наука была отринута и предана проклятию. В одном из поучений можно прочесть следующую фразу: «богомерзостен перед Богом всяк, любящий геометрию, а с душевным греси учиться астрологию и елленским книгам ... люби простыню» (простоту. — Ю. С.)²⁶. Усвоение иных знаний, выходявших за пределы житейских, считалось грехом. Получалось, что жизнь одного народа противопоставлялась всему остальному миру как нечто образцовое. Светская и духовная власть должна была следить за чистотой нравов, а именно за сохранением простого образа жизни. Безграмотность наносила вред, и, как ни странно, несла угрозу отклонения от древних норм, поскольку переписчики допускали ошибки. Но власть смотрела на это сквозь пальцы, поскольку угроза виделась только извне. Попытки внести исправления в поврежденные книги со стороны иностранных богословов оканчивались для последних печально. Так, преподобный Максим Грек был приглашен, чтобы исправить неточности в религиозных книгах (причина неточностей крылась в переписчиках), но его работа стала восприниматься как покушение на устои старины. В результате Максим Грек оказался в тюрьме. То же произошло с Архимандритом Дионисием.

Таким образом, религиозная идеология мессианства из служебной роли, которую она играла в период борьбы за независимость, постепенно превращалась в самоцель. Конечно, этот процесс происходил неосознанно, хотя, как ранее говорилось, подспудно просматривается мотивация стремления оставаться в старине. Видела ли власть в европейских порядках угрозу для себя в случае проникновения последних в Россию или же это было неприятие в принципе этого явления независимо от взаимоотношений России и Европы? Был ли это страх за свою безопасность или же «священный страх» за чистоту Руси и Православия? Действовал, конечно, принцип государственной жизни: зачем нам нужно чужое (худшее), если мы живем в самой лучшей стране и исповедуем самую лучшую и самую правильную религию. Наша задача — сохранить чистоту и неизменность. С другой стороны, верхушка русского общества, в первую очередь члены семьи Великого князя, овладевали знаниями. Известно и почитание книжной мудрости со стороны правящей элиты. В начале XVII в. русское государство погрузилось в Смуту. В Смуте столкнулись прослойка или, точнее, уже класс служилого дворянства (это противостояние уже было вполне заметно в правление Иоанна Грозного) и класс старой боярской аристократии. Служилое дворянство отвоевывало свое место в государственно-общественной иерархии, вытесняя оттуда бояр и прибегая к самым диким методам (опричнина). Удельные вотчинники отстаивали свою независи-

---

²⁶ Мякотин В. А. Указ. соч. С. 8.

мость. Против новой аристократии выступали буквально все слои общества — торговый посад и все городское население, а также крестьянство. Дворянство, которое в начале противостояния одержало победу, стремилось к экономическим выгодам, и именно оно инициировало закрепление крепостнических порядков. Зависимое от власти, и потому ей всецело преданное, отягощенное жестокостью и раболепием — наследием татарского ига, оно с упоением во времена Грозного исполняло роль карающей длани государя. Последний оплот свободы оставался в самом боярстве. Г. П. Федотов указывает, что, несмотря на погромы времен Грозного, эти вольнолюбивые настроения нашли свой выход в попытках конституционных ограничений власти царей Василия, Владислава, Михаила. «Боярство стремилось обеспечить себя от царской опалы — *habeas corpus*. И цари присягали, целовали крест, ... но первая русская конституция оказалась подлинной пропавшей грамотой»²⁷. В XVII в. Россия вела войну со Швецией, Польшей. Этому сопутствовало расширение кругозора, поскольку в связи с войнами Москва постепенно вовлекалась в жизненную орбиту западноевропейских держав. Успехи в войне с Польшей, рост московского царства, в состав которого был включен и Киев, вдохнули новую жизнь в русскую государственность. Политическому расцвету и социальному обновлению сопутствовали новые идеи. Следует отметить, что в середине XVII в. в Москве было уже несколько лиц, которые стремились к заимствованиям у иностранцев. Заимствовались и внешние формы, охватывались также и более глубокие слои общественной жизни. Например, стали появляться светские учебные заведения, понемногу преподавались другие языки: греческий, латынь, польский, геометрия, астрономия. Но на этот путь вступила лишь мизерная часть общества. Гораздо большая часть увидела в новых веяниях, проникавших в московский быт, измену Православию и исконным традициям, что побудило еще крепче ухватиться за свои предания и настойчивее их пропагандировать.

Под влиянием различных изменений консервативная часть общества «потеряла спокойно горделивое настроение», и перемены, происходящие в русском быте, внушали ей опасения за будущее Москвы, еще недавно рисовавшееся в лучезарном свете. «Стали ждать конца мира. Широкую популярность приобрело предсказание Кирилловой книги, составленной Черниговским протопопом Михаилом Роговым. Согласно ее указаниям, Сатана будет связан на 1000 лет после Рождества Христова, и это лучшая эпоха в истории Церкви, после нее совершилось отпадение Римской Церкви; через 600 лет Западная Русь отпала в Унию, и той же судьбы должна была остерегаться Русь Восточная»²⁸. Русское общество расколосось на враждебные партии, и эта вражда естественным образом была перенесена на церковную почву (естествен-

---

²⁷ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 20.

²⁸ Мякотин В. А. Указ. соч. С. 14.

ным, — потому что весь московский быт и принципы жизни строились на религиозно-православной почве).

Попытаемся сформулировать предпосылки раскола. Во-первых, борьба с монголо-татарами — диким, варварским восточным народом — требовала адекватного отношения. Европейско-цивилизированный порядок, свойственный и Древней Руси, отошел в прошлое вместе с погибшей Древнерусской цивилизацией. В связи с этим изменялось сознание русского человека. Во-вторых, более двух сотен лет, проведенные Русью в изоляции от европейского мира, обусловили принятие этого состояния (изоляции) как некоего блага. Состояние изолированности вкупе с измененной ментальностью неизбежно вели к формированию полярной картины мира по типу: всё, что наше и у нас, — положительное, всё, что не наше, — отрицательное и, следовательно, враждебное. В-третьих, изолированность и враждебно-настороженное восприятие окружающего мира порождали чрезмерную приверженность традициям и страх перед любыми изменениями в общественной жизни, которые воспринимались как покушение на целостность всего общества, грозящее глобальной катастрофой, а инициаторы и носители изменений были не просто чужаками, но как «враги от лукавого», подлежащие уничтожению. В-четвертых, происходившие в середине XVII в. изменения выразились в появлении тенденций постепенного преодоления изоляции, постепенно формировалось осознание необходимости повышения уровня образования и нравственного развития. В-пятых, носителем изменений выступала лишь часть московской элиты и в определенной мере нового класса — служилого дворянства, ориентированного на государство. Старая боярская аристократия и Церковь оставались ревнителями старины и традиций.

К середине XVII в., таким образом, русское общество уже было расколото, хотя раскол не находил пока выхода. К этому следует прибавить естественное противостояние власти и народа, тем более, что в рассматриваемый период крепостнический строй получил формальное юридическое закрепление, что усиливало протестное настроение. Забегая вперед, оговоримся, что русский раскол был использован (хотя и неосознанно) как убежище от государства, как выход из-под его жесткого контроля. Раскол также в определенной мере породил реально ощутимую оппозицию государству, хотя и выброшенную из орбиты государственно-общественных отношений и государственной жизни. К этому необходимо добавить еще и субъективный элемент — личность Никона, его мечту об установлении первенства Церкви по отношению к государству, его отношения с царем Алексеем Михайловичем, а также личность и харизму протопопа Аввакума. Аввакум уже в детстве имел возможность наблюдать полярность, расколотость окружающего мира. Его отец священник был беспокойного нрава, неравнодушен к спиртному. Мать — «постница» и «молитвенница», после смерти мужа она постриглась в монахини. Уже в самой жизни Аввакум пережил

раскол, два противоположных начала жизни — Мать и Отец; Добро и Зло. В. А. Мякотин следующим образом характеризует Аввакума: «...и так религиозная и национальная исключительность распространения религии, понятой узко и односторонне, на все сферы жизни; проповедь аскетизма, отречение от свободы личного разума и светской науки, нетерпимость, доходившая до апофеоза глубочайшего насилия»²⁹. Эти черты характера одновременно (и закономерно) можно назвать одним из факторов, породивших критику Никонианских реформ и последующий раскол. Реформы означали покушение на русское Православие, таили в себе опасность сомнения правильности и исключительности Руси и ее Веры. Это особенно видно при рассмотрении аргументов, с помощью которых раскольники критиковали реформы. Колоритны и методы ведения полемики, а именно безапелляционность суждений, резкий негативизм, а точнее просто злобствование, нетерпимость, которая к тому же воспринималась как «доблесть» (зачастую люди, отличающиеся нетерпимостью, всегда воспринимают ее как свое положительное качество, нередко взращивая и лелея его).

Бесспорен тот факт, что Никона не любило практически все его окружение — бояре (исконно ревнители старины), духовенство, которое разделяло в своем большинстве грекофильство Никона, и это при том, что Никон был достаточно жестким руководителем. По мнению противников церковной реформы Никона, «русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире»³⁰. Это была главная мысль. В. Неронов в письме к царю Алексею Михайловичу указывал, что все царства стекались, т.е. сосредоточивались в Московском государстве, где воплощением стал русский царь. Нет под солнцем больше такого благочестия и такой правой веры, как в Московском государстве, поскольку все иные смешались с ересями и подверглись их пагубному влиянию. Закон, установленный Богом, остался в неприкосновенности только в русской земле. Это произошло потому, что русские, как божьи чада, особенно угодили Богу. Русское государство — великое государство — Третий Рим, и отовсюду в него собралось все христианское благочестие³¹. Раскол показал, насколько сильна в народе была идея Третьего Рима. Государства и официальная Церковь, как уже говорилось, осознавали необходимость включения России в мировой политический процесс, в то время как общество выразило желание остаться верным старине.

Оценивая действия государственной и церковной власти, общество усомнилось в том, что современное ему государство есть истинно православное, раскольники восприняли реформы Никона как измену, перестали верить власти. С точки зрения раскольников, в мир явился

---

²⁹ Мякотин В. А. Указ. соч. С. 97—98.

³⁰ Кантеев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович // Портал credo.ru.

³¹ См.: Там же. С. 4—5.

Антихрист, и единственным спасением представлялся уход из мира в «невидимую Церковь». Правда, старообрядческая Русь в ожидании Антихриста подпала под политическое верховенство светской власти московских царей³². На время идея «Москва — Третий Рим» была как бы законсервирована и получила второе дыхание в XIX в.

По мнению противников реформы, русские церковные книги во всем правы, поскольку не повреждены ересью, они святы и непререкаемы. При принятии христианства князем Владимиром Священные книги были переведены с греческого языка на славянский. То есть в основе «русского» христианства лежали источники, написанные на греческом языке. Н. Ф. Каптерев пишет: «Они не с латинских переложены, а печатаны с древних греческих, были переведены в «добрые» времена, т.е. до завоевания Византии турками. Кроме того, церковные книги было некому искажать, поскольку на Руси ересь никогда не зарождалась»³³. Никон, по мнению противников реформ (а это пишет священник Никита Добрынин), оболгал старые святыя книги.

Из вышеперечисленного следует еще один аргумент в пользу старообрядцев: если русское Православие и вообще Христианство — самое правильное и благочестивое в мире, то этого совсем нельзя сказать о греках, об их благочестии, об их церковных книгах. Аввакум упрекает (используя весьма грубую лексику) греческого Патриарха в том, что он ест с турками с «одного блюда», в то время как русские полезут в огонь, но веры своей не предадут. Благочестие у греков в немалой степени повредилось, поскольку они вынуждены выживать под владычеством турок. Греки стеснены, «яко овцы среди волков — едва дышат». Во время, когда из Византии пришло Христианство, греки, по мнению противников реформы, были «чисты», не «опорочены» связями с Римским престолом, который предстает перед старообрядцами как разрушитель Христианского царства.

Греческие церковные книги печатались в латинских городах: в Риме, Париже, Венеции, следовательно, можно было предположить, что «поганые латиняне» уничтожали оригинальные тексты, из печатного станка выходили поддельные, написанные католиками книги. Все это позволяло предположить, что русские книги, которых не касалась рука еретиков, сохранили первозданность священных текстов, а греческие почти наверняка заражены еретичеством. Никон исправлял обряд по греческим, неверным книгам, и поэтому он посягнул на неприкосновенность русского православного обряда и воспринимался противниками реформы как «разоритель русского чистого православия и слуга Антихриста». Дьякон Ф. Неронов характеризует Никона как «всепалубного сына геены, пагубного сосуда сатанинского, еретика, адова пса»³⁴. Весьма печальным представлялось то, что Никон, сам будучи

³² См.: Новикова Л., Сиземская И. Указ. соч. С. 20.

³³ Каптерев Н. Ф. Указ. соч. С. 7.

³⁴ Там же. С. 15.

злым еретиком, склонял на свою сторону царя. До дружбы с Никоном царь был благочестив, правдолюбив, но он попал в сети к лукавому Никону, и с этих пор разум царя пребывал «в помрачении». Старообрядцы сравнивали Никона со змием, соблазвившим Еву. Поскольку Никон — новатор и еретик и его реформа грозит гибелью русскому Православию, то задача благочестивых русских состояла в том, чтобы твердо хранить и поддерживать древнее благочестие, не допускать в унаследованное от предков достояние никаких перемен и изменений, но и этого недостаточно. Необходимо также упорно бороться против нововведений Никона, всячески защищать и отстаивать родную старину, с гибелью которой погибнет и Православие в целом мире и наступит царство Антихриста.

Противники никоновской реформы воспринимали себя как особенных поборников и ревнителей Православия. Они стремились доказать, что борьба с реформами есть объективная необходимость, а не их субъективное желание, взгляды. Они выполняли высшую миссию. Осуждение их демаршей со стороны властей есть осуждение и предательство всей старины, всех предков и всех святых. Противники реформы пытались доказать, что Никон посягнул не на форму, а на сущность. Они доказывали также, что их несогласие продиктовано преданностью исторически доказанному и историей оправданному русскому благочестию, которое Никон, в своем увлечении греками, стремился исказить и даже уничтожить. Преследовать и проклинать противников реформы за защиту старых церковных верований — значит, отказываться от своей собственной святой старины, значит, проклинать самих русских угодников Божьих³⁵. Раскольники не просто осуждали действия Никона, они пытались проникнуть в существо мотивации Никона, который, по их мнению, руководствовался полным пренебрежением к старине, личным произволом, а также собственным «высокоумием и самомнением». При этом они находят, что Никон исправлял книги по небрежности и произвольно, а в доказательство тому приводят якобы существующие расхождения между уже исправленными книгами разных выпусков³⁶. Из этого следовало, что Никон вовсе не исправлял книги, а вернее погрешности в старых книгах, а прямо их переделывал. В Никоновых новопечатных книгах, как утверждали раскольники, нет ни единого псалма, ни молитвы, ни кондака, ни даже стиха, который бы не претерпел изменения. Все оказывалось «всячески хитрословлено, искажено и перемешано, и многие службы и каноны, и молитвы после святых богословцев претворены вновь»³⁷ (это утверждение священника Никиты Добрынина). Изменения Никона не улучшали, но только портили русские церковные книги.

Вследствие гибели на Руси правой веры и истинного благочестия по

---

³⁵ См.: *Каптерев Н. Ф.* Указ. соч. С. 20.

³⁶ См.: Там же. С. 21.

³⁷ Там же. С. 22.

причине никоновских книжных исправлений должно было, по мнению противников Никона, погибнуть и все московское царство, существование которого тесно связано с процветанием в нем истинного, ничем не подтвержденного Православия. Вот к таким безнадежным выводам и заключениям пришли противники реформы. Надо сказать, что доводы, на которых эти выводы основаны, вряд ли можно считать прочными. Противоречия сплошь и рядом в раскольнических текстах. Получается, что противники реформы даже не задумывались о какой-либо стройной концепции, свою критику сводили к «обруганию», где сверхрезкий тон критики заменял весомость доводов. Автор настоящей работы пишет об этом, чтобы указать на то, что в России к середине XVII в. совершенно не выработалось искусство полемики, которая становится обычно главным орудием здоровой и сильной оппозиции. В середине XVII в., когда в Англии устанавливалась многопартийная система, в России вместо политического спора противники обменивались бранными словами, не стесняясь в выражениях³⁸. В России побеждал издавна самый шумный, агрессивный, безапелляционный спорщик, хотя бы и в отсутствие четко сформулированной аргументации. Протопоп Аввакум явился «лицом» русской оппозиции — страстной, подвижнической, самоотреченной. Эти черты характерны для обеих сторон — и власти, и оппозиции. Перфекционизм, нежелание компромиссов станут отличительными чертами русских революционеров. Аввакум соединил в себе черты, которые вполне могут характеризовать бунтарские личности революционеров: «неуступчивый традиционализм, страстное стремление к свободе, преклонение перед буквой писания и редкое чувство текущего момента, суровый аскетизм и жажда практической деятельности»³⁹. Характеризуют Аввакума и методы ведения полемики. Он был абсолютно невосприимчив к чужому мнению. Убедить его в чем-либо было невозможно. Из всех доводов, которые были призваны поколебать уверенность Аввакума в его правоте, он усвоил только один, а именно: переписчик не гарантирован от ошибок и поэтому среди церковных книг есть неправильные — «испорченные». Вывод из этого Аввакум сделал в свою пользу — раз мнение противоположной стороны не совпадает с мнением Аввакума, значит, оппонент почерпнул сведения из какого-то неправильного списка. Он воспринимал себя как учителя, обеспечивал себе позицию нападающего и громил инакомыслящих как злостных еретиков⁴⁰. Отчетливо

---

³⁸ В английском парламенте тоже не церемонились с выражениями: чего стоят хотя бы названия партий «тори» и «виги», однако за словами стояли сущность спора, выработанная позитивная линия политики видения дальнейшего развития общества и государства.

³⁹ *Нешитов П. Ю.* Человеческое и ангельское в протопопе Аввакуме // Путь Востока. Традиции и современность: Материалы V Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия Symposium. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. Вып. 28. С. 90.

⁴⁰ См.: Там же. С. 91.

характеризует Аввакума эпизод, имевший место в сибирской ссылке. Ревностный протопоп пожелал смерти казакам отряда, отправляющимся в бой с иноземцами, и молил Бога об их поражении только ради того, чтобы не сбылось предсказание шамана, обещавшего экспедиции легкую победу⁴¹.

На многие десятилетия раскол стал единственной организованной формой протеста и вследствие этого приобрел аморфный характер. Русский ученый А. П. Шапов пишет, что, несмотря на то, что источником русского раскола была «суеверная привязанность московского общества к одной внешней обрядовости без духа веры», но при этом он признает «церковно-гражданский демократизм раскола под покровом мистико-апокалиптического символизма восстания против империи (после Петра I) и правительства, смелый протест против подушных переписей, податей, даней многих, против распутства, крепостного права и областного начальства»⁴². Раскол характеризует народный взгляд на общественный и государственный порядок в России, это «плод болезненного, страдательного, раздраженного состояния духа народного»⁴³. Раскол оказался одним из способов ухода из-под юрисдикции государства, благо огромная территория России позволяла это делать. Раскол есть «могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против государственного строя — церковного и гражданско-го»⁴⁴. Раскол стал выражением оппозиционного движения. При всех своих заблуждениях он представлял собой своеобразный, хотя несовершенный, способ «народного самообразования» (по выражению Костомарова). Он в некотором смысле пробудил способность общества к самоорганизации, заставил усомниться в святости и неприкосновенности царской власти, непогрешимости царя. Был поставлен вопрос: «Можно ли молиться за царя, который является гонителем веры?». Конечно, оппозиция в виде раскола была очень своеобразна. Она не содержала в себе потенциала прогресса. Он являл собой не борьбу, а именно уход. Борьба предполагает возможность достижения компромиссов. Уход, бегство есть результат нежелания даже выслушать оппонента. К сожалению, эти традиции в России сильны до сих пор. Поэтому автор настоящей работы видит в качестве одного из способов преодоления «вечного» нравственно-правового кризиса общества воспитание личности в духе самоуважения и терпимости. Как показывает история, эти духовно-интеллектуальные качества дают хорошие материально-осязаемые результаты.

---

⁴¹ См.: *Нешитов П. Ю.* Указ. соч.

⁴² *Шапов А. П.* Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения раскола. Казань, 1859. С. 59.

⁴³ Там же. С. 129.

⁴⁴ Там же. С. 20.